

ОТРАЖЕНИЕ СВЕРХТЕКСТОВОГО ХАРАКТЕРА ГРИНОВСКОЙ ПРОЗЫ В КРЕАТИВНОЙ РЕЦЕПЦИИ XX – XXI ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЛЕОНИДА ОСТРЕЦОВА «ВСЕ ЗОЛОТО МИРА ИЛИ ОТПУСК В ЗУРБАГАНЕ»)

© 2009 Т.А.Парамонова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 06.09.2008

На материале романа самарского писателя Л.Острецова, обращающегося к гриновскому мифу, предложено описание механизмов функционирования гриновского кода в современной русской литературе. Среди основных элементов гриновского кода, которые нашли отражение в прозе Л.Острецова, рассматриваются система индивидуально-авторских локусов Грина, гриновский миф, имена персонажей, названия гриновских произведений, а также стилизация.

Ключевые слова: проза А.С.Грина, сверхтекстовое единство прозы А.С.Грина, гриновский код, межтекстовые связи, индивидуально-авторские локусы Грина, современная литература, романы Л.Острецова, стилизация.

Сверхтекстовый характер прозы Александра Грина находит отражение в рецепции его произведений. Элементы индивидуально-авторского кода являются конструктивным приемом не только для прозы Александра Грина, но и для русской литературы XX – XXI вв., отражающей рецептивно сверхтекстовый характер его прозы. Исследователи делали ряд отдельных замечаний относительно этой тенденции. В.Е.Ковский в монографии «Романтический мир А.Грина» называет писателей и поэтов, в творчестве которых можно говорить о влиянии Грина: «Грину посвящены стихотворения О.Мандельштама и Вс. Рождественского, Висс. Саянова и А.Коваленкова, С.Наровчатова и К.Лисовского, П.Когана и М.Дудина, В.Бокова, Л.Хаустова, А.Гитовича. Образы и мотивы его творчества то и дело встречаются на страницах произведений современных советских писателей – Е.Евтушенко, В.Драгунского, М.Анчарова и многих других»¹. По мнению ученого, своеобразии гриновской манеры породило «романтизм критики»², субъективное и во многом одностороннее восприятие гриновского наследия. Исследователь А.О.Лопуха говорит о влиянии Грина на творчество советских авторов: «...неверно было бы говорить о наличии школы, созданной писателем. Но

гриновские традиции явственно прослеживаются в советской литературе. В прозе творчество Грина оказало влияние на К.Г.Паустовского, Е.А.Шварца, В.А.Каверина и представителей лирической прозы, например, Ю.Казакова. В поэзии гриновские образы и отдельные темы получили развитие в творчестве Э.Г.Багрицкого, поэтов-фронтовиков (например, П.Д.Коган, М.В.Кульчицкий), современных поэтов (Н.Матвеева, Б.Ахмадулина)»³. В библиографическом указателе Ю.Киркина (1980) в разделе «А.С.Грин в художественной литературе» названы произведения, в которых есть упоминание о Грине, либо используются образы и мотивы гриновских произведений: повесть «Черное море», рассказ «Вторая очередь», «Простые сердца» (пьеса в 4-х действиях, 6-ти карт.) К.Паустовского, роман Л.И.Борисова «Волшебник из Гель-Гью», а также его рассказы «Апрель 1920», «Немыслимые подарки», произведения Смирнского⁴. В этом списке названы далеко не все произведения даже указанных авторов. Не включена в список «Золотая роза» К.Паустовского, не назван целый пласт бардовской поэзии. Список авторов может быть расширен и за счет представителей современной прозы рубежа XX – XXI веков.

Парамонова Татьяна Александровна, аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы.

E-mail: prostotaa@yandex.ru

¹ Ковский В.Е. Романтический мир Александра Грина. – М.: Наука, 1969. – С.11.

² Там же.

³ Лопуха А.О. Эстетический идеал и специфика его выражения в творчестве А.С.Грина. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Петрозаводск: 1987. – С. 15 – 16.

⁴ Киркин Ю.В. Александр Грин: Библиографический указатель произведений А.С.Грина и литературы о нем 1906 – 1977 гг. / Худ. Е.Л.Сумнительный. – М.: Книга, 1980. – С.52.

Рассмотрим специфику функционирования гриновского кода в современной литературе на примере творчества Леонида Острецова. Леонид Острецов – самарский писатель, автор авантюрно-приключенческих романов: «Все золото мира, или Отпуск в Зурбагане» (2002), «Разработчик или Побег в рай» (2004), «Возвращение в Зурбаган» (2005) и историко-приключенческого романа «Поручик последней армии» (2003). Интересен факт сознательного обращения Л.Острецова к гриновскому мифу. На сайте издательства «Вагриус» приведены следующие слова Л.Острецова, в которых заложена стратегия прочтения его первого романа: «В 2002 г. написал свой первый роман «Всё золото мира или Отпуск в Зурбагане», в котором руководствовался желанием возродить образ удивительной европейской страны, придуманной Александром Грином – продолжить её «жизнь» в литературе, обогатив историческими вехами, а также интегрировав в современный мир»⁵. Александр Грин выступает в романе в качестве классика, элементы индивидуально-авторского кода которого не только заимствуются автором, но и воспроизводятся креативно⁶. В газете «Слово» обозреватель Виктор Притула среди авторов современной прозы обращает внимание на Леонида Острецова, который «...не скрывает своей приверженности к яркой прозе Александра Грина. Первый его роман «Всё золото мира, или Отпуск в Зурбагане» уже самым заголовком претендует на гносеологические аллюзии с «Гринландией». Правда, и ему походить на Грина очень мешают современные реалии»⁷.

Романы Леонида Острецова задуманы как серийный проект и образуют цепочку взаимосвязанных текстов – сверхтекстовое единство особого рода уже на уровне заглавий во многом благодаря обращению автора к гриновскому мифу. Индивидуально-авторский код Грина находит отражение в романах Леонида Острецова на разных уровнях: в заглавиях его произведений, на уровне локусов, системы но-

минации персонажей, отдельных «знаков» сверхтекста Грина в романах, а также в стилизации. Обратимся к анализу выявленных тенденций. В связи с тем, что наиболее продуктивным с точки зрения проблемы функционирования знаков гриновского кода является первый роман Л.Острецова, обратимся к его анализу. Роман «Все золото мира, или Отпуск в Зурбагане», герои которого ищут святой Грааль, опубликован в издательстве «Вагриус». Обложка книги рассчитана на привлечение внимания массового читателя (пираты, паруса, корабль), автором используются штампы и каноны приключенческого жанра. Роман, по мнению обозревателя Н.Лукашкиной, отвечает моде на «всевозможные коды, средневековые чаши и средневековые тайны»⁸. Книгу Острецова открывает карта Лилианы – страны, в которой разворачивается действие романа. Аннотация романа «Все золото мира, или Отпуск в Зурбагане», помещенная на форзаце книги, также акцентирует внимание на связи с творчеством Грина: «Захватывающий, головокружительный сюжет романа развивается в удивительной стране, знакомой нам по книгам Александра Грина»⁹. Рецензия помещена на последнем форзаце и входит в паратекст романа: «Эта книга, как наркотик, захватывает читателя и не отпускает до конца повествования, увлекая в мир авантюрных пиратских приключений, страстной любви, тайн и открытий... Давно уже не было такой книги, написанной в лучших романтических традициях А.Грина, Ж.Верна, Р.Л.Стивенсона. «Все золото мира». – это не просто роман-приключение. Это роман-тайна, роман-ностальгия, роман-мечта». Лилиан-Пресс: Зурбаганский выпуск. – 2004. – 9» (4 страница обложки). Рецензия содержит элементы индивидуально-авторского кода А.Грина: локусы Лилианы и Зурбагана, а также имитирует гриновский стиль. Рассмотрим проявление гриновского текста в этом романе. Доминирующей текстопорождающей доминантой прозы Острецова является система индивидуально-авторских локусов Грина. Леонид Острецов обращается к локальной составляющей гриновского мифа, которая подвергается в рамках его произведений креативной рецепции. Сам писатель в одном из интервью отмечает: «Я решил создать Ли-

⁵ Острецов Леонид // Авторы издательства «ВАГРИУС». Цит по:

<http://www.vagrius.com/authors/index.php?author=283>

⁶ Леонид Острецов в интервью журналу «Босс» отметил: «Грин – один из моих любимых писателей, поэтому в своих романах я постарался интегрировать созданный им несуществующий мир в современную европейскую действительность». См.: *Парамонова Татьяна*. Человек из Лилианы // Ж. Босс. – 2008. – 120. – С. 83.

⁷ Притула Виктор // Газета. Слово. – 2005. – 44. 11 ноября. Цит. по: <http://www.gazeta-slovo.ru/slovo.nsf>.

⁸ Лукашкина Наталья. Острецов опередил Дэна Брауна // Газета. Навигатор. – 2005. – 45 (569). 21 ноября. – С. 4.

⁹ См.: Острецов Леонид. Все золото мира, или Отпуск в Зурбагане: Роман. – М.: Вагриус, 2004. Далее ссылки на роман будут приводиться по этому изданию в тексте, в скобках указываются страницы.

лиану-страну, используя гриновские города: Зурбаган, Лисс, Покет, Сан-Риоль и добавив свои¹⁰. Локусы Грина: Зурбаган, Кунст-Фиш, Лисс и другие, вплетенные в ткань повествования, появляясь в романах Леонида Острецова, приобретают новые характеристики, инкрустируются автором в современный европейский мир конца XX века. Имплицитно в прозе Острецова присутствуют и другие локусы Грина, которые размещены на авторской карте Лилианы и даны в латинском варианте написания: Сан-Риоль (Saint-Riole), Каперна (Caperne), Покетт (Pockett) и другие. На карте вместе с собственно гриновскими городами сосуществуют локусы Л.Острецова: *pare de Terrincours* (Терринкурские холмы), *Ost*, *Clouse*, *Berfont*, *Lionst*, *Torniers*, *Maindeiiier*, *Sen-Juan*, *Grand Lie*, *Kindzous*, *Brindaux*, *Liegea*, *Ectus*. Большая часть указанных локусов Л. Острецова является только декорациями, помогающими представить очертания Лилианы, в рамках которой разворачивается сюжет.

Зурбаган (Zourbagan) Леонида Острецова – это столица Лилианы (Liliane), в которую отправляется главный герой. В прозе Грина также присутствует локус Лилианы, в том числе в рассказах «Возвращенный ад» и «Мрак»¹¹. Среди гриновских характеристик Зурбаган сохраняет «климатическую характеристику» («Природа здесь субтропическая» (21)) и признак «шумности»/ «звучности»¹². Описание Зурбагана в прозе Острецова дается через сравнение с северной столицей России: «Сверху он напомнил мне Петербург на фотографиях, выполненных с высоты птичьего полета, только более холмистый и зеленый, нежели наша северная столица. <...>. Повсюду торчали остроконечные шпили и башни, вдалеке промелькнула группа небоскребов – ви-

димо, деловой центр» (16 – 17). Как видим из описания, город в романе Острецова обретает конкретное временное оформление, которое отчетливо соотносится с концом XX века за счет появления в тексте элементов действительности современного человека и неологизмов XX века: «небоскребы», «бизнесмены», «белый БМВ» (19), «фотоателье «Кодак»» (74), «красный фиат» (76), рак и СПИД (158), телевизионная реклама (126), Космополитен (359) и других знаков, которыми изобилует роман, что характерно для массовой литературы¹³. Кроме того, в романе даются ссылки на реальные исторические события и реалии: Вторая мировая война (115), Англия, США, Бразилия и Австралия (120), Париж, Лондон, Вена (127), нефтяные акции, чеченская нефть (125). В описании современного Зурбагана также присутствуют знаки XX века: «Огромные дома с архитектурными изысками, толпы людей, несметное количество припаркованных машин, витрины ресторанов и магазинов – вот образ представшей передо мной лилианской столицы» (19). Зурбаган Острецова – «огромный европейский мегаполис» (83), который подробно описан в романе. Отправляясь гулять по ночному городу, герой попадает на улицу Гардена (83): «это была пешеходная зона, похожая на московский Арбат, только более цветущая, засаженная вдоль домов пахучими кустарниками, высокими раскидистыми пальмами и кипарисами» (83 – 84).

В прозе Грина есть упоминание о мысе Гардена. В романе Острецова в Зурбагане недалеко от улицы Гардена расположен ресторанчик «с поэтическим и довольно типовым для Зурбагана названием «Бегущая по волнам»» (84 – 85). Своим названием ресторан обязан одноименному роману Грина. Среди других примет Зурбагана: «Зурбаганский университет» (115), «зурбаганская бухта», «зурбаганская ратуша», «богатые фирмы Зурбагана и Сан-Риоля» (119), «зурбаганская национальная галерея» (270); «статья 63/2 Лилианского административно-хозяйственного кодекса «по праву первого собственника бесхозного объекта» (117). Гриновский город Кунст-Фиш (рассказ

¹⁰ См.: *Парамонова Татьяна*. Указ.соч. – С. 83.

¹¹ См.: *Грин А.С.* Собр. соч.: в 6 т. / В.Ковский, Вл. Россельс, Е.Прохоров; под общ. ред. Вл. Россельса. – М.: Правда, 1980. Далее ссылки на это издание приводятся в квадратных скобках: римская цифра – том, вторая – номер страницы. В рассказе «Возвращенный ад» герои «пересекали озеро Гош в начале золотой осени Лилианы» [III, 330]. В рассказе «Мрак» «в горные леса Лилианы» отправились рассказчик и Рифт. См.: *Грин А.С.* Собр. соч.: в 5 т. – М.: 1991 – 1994. – Т.3. – С. 47.

¹² Сравни описание Зурбагана в гриновской прозе. В рассказе «Фанданго» (1927) герой из Петрограда попадает в южный Зурбаган: «Я слышал звуки, городской шум. За уступами крыш, разбросанных ниже этого дома, до судовых матч и моря, блестящего чеканной синевою волн, стучали колеса, пели петухи, нестройно голосили горожане» [V, 543]. Признак «шумности» дается и в рассказе «Вокруг света» (1916): «в зурбаганской веселой толпе» [V, 214].

¹³ См.: *Черняк М.А.* Феномен массовой литературы XX века. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. – С.195 – 214. Исследователь говорит о «поэтике повседневности» как о важнейшей типологической характеристике произведений массовой литературы вслед за Р.Бартом, который называет этот принцип массовой литературы «эффектом реальности» (*Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: 1994). См. также: *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. – М.: 2002.

«Убийство в Кунст-Фише») – обладатель «роскошных парков» [IV, 204]. В романе «Все золото мира, или отпуск в Зурбагане» этот локус более детально описан, заполняются лакуны, связанные с историей и расположением города, «кажется пригород Зурбагана» (15). Л.Острецов придумывает Кунст-Фишу новую легенду: «уютный массив частных домов, расположенный на длинном пологом склоне, который спускался к самому морю» (153). «Когда-то в старину так назывался то ли один из здешних феодальных замков, то ли деревня. А сейчас название распространилось на всю городскую окраину. <...> В восемнадцатом веке так назывался один из замков, который, как я понимаю, сейчас находится на территории национального парка <...>» (153 – 154).

Как и у Грина, у Леонида Острецова в рамках одной системы координат сосуществуют реальные и вымышленные локусы: Париж, Москва, Петербург, Зурбаган, Лисс, Каперна, Кунст-Фиш. Обращает на себя внимание локальная привязанность затекстовых элементов и датировка романов: «Самара-Зурбаган-Москва, 2001 – 2002 гг.» (477). Во втором романе Л.Острецова «Разработчик или Побег в рай» – «Самара – Зурбаган – Гель-Гью – Москва, 2004 г.»¹⁴. Подобные затекстовые структуры с сочетанием реальных и вымышленных координат характеризуют отдельные тексты Грина. Интересно сопоставить карты Лилианы и Гринландии. Карта Гринлэнда не была создана Грином, а реконструирована по его произведениям. Лилиана – европеизированная страна, находящаяся недалеко от Франции, имеющая связи с Россией (авиалинии) и свою историю, в которой отразились общемировые исторические события и процессы. Столица Лилианы, как и Гринлэнда, – Зурбаган. Не все локусы Грина, закрепленные на карте Гринлэнда, нашли отражение на карте Лилианы. Например, город Херам, Остров Рено, Амамбо, река Зерра и многие другие гриновские локусы остались за пределами карты Л. Острецова. Писатель обращается к «сильным» в интертекстуальном плане локусам Грина, а также дорисовывает Лилиану, добавляя новые локусы. Например, недалеко от Кунст-Фиша находятся Терринкурские холмы.

Л.Острецов подробно описывает Лилиану, в том числе и ее ландшафт, а также предлагает читателям историю образования Лилианы: «...с момента ее основания авантюристами из разных стран во времена крестовых походов до

объявления полной независимости после Второй мировой войны» (16). В романе упоминается вино «Херам» (24), через этот знак роман связан с гриновской прозой, так как отражает название одноименного города Грина. Матросы Гель и Гью – аллюзия названия гриновского города Гель-Гью.

Наряду с элементами текстовой реальности гриновской прозы, в романе появляется и фигура Александра Грина – текстообразующая персонального сверхтекста¹⁵ писателя: «В центре напротив здания ратуши, возвышался памятник Александру Грину, именем которого именовалась сама площадь. Грина лилианцы бесконечно уважают за то, что он воспел их страну в своих бессмертных произведениях. Писатель стоял во весь рост, почему-то в старинном распахнутом камзоле, с книгой в руке, и взгляд его был устремлен вдаль на морской горизонт» (25).

Кроме функционирования локусов и других «знаков» гриновского кода, в прозе Леонида Острецова можно говорить об имитации стиля Александра Грина. Любовь Грина к эпиграфам из романтической и приключенческой литературы нашла отражение в первом романе Леонида Острецова, который открывают эпиграфы из «Острова Сокровищ» Р.Л.Стивенсона, а также из «Легенд и мифов Древней Греции» Н.А.Куна.

Для прозы Грина характерны прозиметрические конструкции за счет включения в массив прозаического текста стихотворного фрагмента, что характеризует и романы Л.Острецова. Внесение в прозаический текст стихотворного фрагмента делает его полиструктурным – прозиметрическим, а также привносит стиховое начало¹⁶. Такое проявление стихового начала не редкость для А.С.Грина. Герои его произведений поют песни, читают стихи, например, Хонс («Имение Хонса»), Тарт поет песню «Кто спит на вахте у руля...» («Остров Рено»). В рассказе Грина «Кирпич и музыка» появляются слова из народной песни XIX века «Маменька родимая, свеча неугасимая». В романе «Все золото мира, или Отпуск в Зурбагане» в структуру прозаических глав вводятся стихотворные фрагменты, стилизованные под сонеты Гильома дю Вентре, причем в отдельных стихотворных отрывках содержатся знаки гриновского кода:

¹⁵ См.: Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск: 2003.

¹⁶ См.: Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002. – С. 411 – 413.

¹⁴ Острецов Леонид. Разработчик, или Побег в рай: Роман. – М.: ВАГРИУС, 2005. – С. 429.

Неужто суждено мне умереть
Вдали от стен родного Зурбагана?
Предпочитая ласковую плеть,
Удару шпаги или ятагана... <...>
Гильом дю Вентре (85).

Герои романа «Все золото мира, или отпуск в Зурбагане» имеют русские имена (Сергей, Борис, Надежда, Светлана – жители России), французские (Гильом дю Вентре, Жан Клевеси) и имена смешанного типа, образованные по модели гриновских имен, претендующие на «многонациональность» (Тренган, Сурет, Карье, Арроуз Кренган). Вторая и третья группа имен характеризуют в художественном мире

Острцова жителей Лилианы. Этот способ номинации героев в большей степени характерен для гриновской прозы. Сверхтекстовый характер прозы Грина находит отражение в историко-литературном процессе. В частности, в произведениях писателей современной массовой литературы. Это подтверждает тезис о мощном сверхтекстообразующем потенциале прозы А.Грина, гриновского кода, функционирование которого в интеретексте приводит к тенденции выделения Гриновского текста русской литературы.

**REFLECTION OF GRIN'S PROSE SUPERTEXT CHARACTER
IN THE CREATIVE RECEPTION OF XX – XXI CENTURIES
(BASED ON THE NOVEL BY LEONID OSTRETISOV «ALL GOLD OF WORLD OR
HOLIDAY IN ZURBAGAN»)**

© 2009 T.A.Paramonova^o

Volga region state social-humanitarian academy

Basing on the materiel of the novel by L.Ostretsov, a writer from Samara, applying to the Grin's myth, the author of this article offers the description of mechanisms of the Grin's code functioning in Russian modern literature. The system of individual author's Grin's locuses, the Grin's myth, personages' names, Grin's titles and the stylization are examined among basic Grin's code elements, reflecting in the prose by L.Ostretsov.

Key words: A.S.Grin's prose, supertext unity of A.S.Grin's prose, Grin's code, intertext connections, Grin's individual author locuses, modern literature, novels by L.Ostretsov, the stylization.

---

^o*Paramonova Tatyana Aleksandrovna, The post-graduate student of chair of Russian, foreign literature and technique of teaching of the literature.*